

6. Документы внешней политики СССР (ДВП) : в 22 т. – М.: Политиздат, 1959 – Т. 3 – 702 с.
7. Революционное движение в Вильнюсском крае, 1920–1940. Документы и материалы / (сост.) В. Канцявичюс. – Вильнюс: Минтис, 1978. – 447 с.
8. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 т. – Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага: Беларускі інстытут навукі і мастацтва: Таварыства беларускага пісьменства: Наша ніва. 1998. – Т. 1, кн. 2. – 1721 с.
9. ДВП СССР : в 22 т. – М.: Политиздат, 1960 – Т. 4 – 836 с.
10. ДВП СССР) : в 22 т. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 6 – 672 с.
11. Казлоў Л. Р. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Р. Казлоў, А. К. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 1993. – 71 с.
12. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 0431/П. – Оп. 2. – П. 9. – Д. 39.
13. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939 / Г. Адибеков (ред. кол.). – М.: РОССПЭН, 2001. – 400 с.

УДК 94(476):314.151-054.73"1921-1922"

А. М. Бабков

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЛАВЭВАКЗАПА В БЕЛАРУСИ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РИЖСКОГО ДОГОВОРА О РЕЭВАКУАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ (КОНЕЦ 1921 – 1922 ГОД)

Реконструирована структура эвакуационных органов на территории Беларуси, показана реорганизация их в базисные и линейные пункты. Анализируется деятельность Главэвакзапа и его местных органов по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в Польшу и Прибалтийские государства на завершающем этапе.

Реэвакуация и репатриация населения между РСФСР, УССР и Польшей осуществлялась на основе «Соглашения о репатриации», подписанного странами 24 февраля 1921 г. и дополненного Рижским мирным договором. Тогда еще не существовало общепринятого международного определения понятия «беженец». При заключении договоров об обмене пленными и беженцами страны сами определяли, кого нужно считать беженцем или пленным и на основании каких критериев. По советско-польскому «Соглашению о репатриации» под понятие «беженец» попадали лица, проживавшие до мировой и польско-советской войн на территории одной из договаривающихся стран и по военным обстоятельствам оказавшихся на территории другой. В эту группу входили и пленные [1, с. 502–503].

После освобождения Беларуси возобновилась деятельность управления Главноуполномоченного Центрэвака РСФСР в Западной области по эвакуации населения (Главэвакзап) во главе с Л. И. Розенгаузом. Главэвакзап являлся исполнительно-распорядительным органом Центрального управления по эвакуации населения (Центрэвак) РСФСР на территории Беларуси. Под его руководством были восстановлены губернские и уездные управления по эвакуации населения (губ- и уездэваки).

С установлением Рижского мира через Беларусь к западной границе устремилась основная масса беженцев и пленных Первой мировой и польско-советской войн, другие категории мигрантов, которые направлялись из Советской России и Украины в Западную Беларусь, Польшу и Прибалтийские республики.

На Главэвакзап и его местные органы легла основная тяжесть по их обслуживанию и отправке за границу. Самое массовое движение беженцев через Беларусь наблюдалось в 1921 г. По сведениям Главэвакзапа, в 1921 г. на пограничном пункте Негорелое Польше было передано 308113 беженцев Первой мировой войны и 2263 пленных легионеров, а из Польши возвратилось в Советскую страну 49331 пленный красноармеец и 3103 беженцев. Беженцы прибалтийских государств возвращались домой через второй крупный пограничный пункт Себеж. В 1921 г. на нем было передано Литве 54882 беженца и 1001 литовских демобилизованных красноармейцев, а Латвии – 44155 беженцев и 11714 латвийских демобилизованных красноармейцев. Одновременно из этих стран через Себеж возвратилось на родину 1441 военнопленных мировой войны, 1874 интернированных красноармейцев и 288 беженцев [2, л. 7].

После возвращения основной массы беженцев из Советской России и Украины в Польшу, Литву и Латвию в конце 1921 г. наметилась тенденция к уменьшению численности перемещавшихся через Беларусь беженцев и пленных. В холодное время года и раньше наблюдалось снижение интенсивности движения беженцев. Теперь добавился еще и финансово-экономический кризис в Советской России. Почти остановилась работа железнодорожного транспорта. В сложившихся условиях уменьшились государственные расходы на содержание эвакуационных органов, в т. ч. и беженцев.

Перед Центрэваком и его областными и губернскими органами встала стратегическая задача по оптимизации своей деятельности, укрупнению эвакуационных управлений, сокращению их штатов. 20 октября 1921 г. Л. И. Розенгауз сообщил в Центрэвак, что в Западной области на колесах, то есть в эшелонах находилось свыше 17 тыс. беженцев, а в беженских бараках – свыше 16 тыс. человек. При проверке беженских эшелонов очень часто обнаруживали в них «мнимых беженцев», т. е. частных лиц, которые просто выезжали из пораженных засухой губерний России [3, л. 14].

С целью централизации эвакуационной работы на территории всей Советской страны Центрэвак разработал план создания эвакуационных баз. На основе приказа НКВД РСФСР по Центрэваку от 20 декабря 1921 г. началась реорганизация губернских и уездных эвакуов в базисные и линейные пункты, причем одновременно на территории РСФСР, УССР и БССР.

Планируемое Центрэваком закрытие ряда эвакуационных пунктов в Западной полосе вызвало опасения в управлении Главэвакзапа в его дальнейшей эффективной работе по выполнению своих эвакуационных задач. 15 декабря 1921 г. в секретном докладе в Центрэвак РСФСР Л. И. Розенгауз предостерег его руководство об «опасности такого шага, который может привести к тяжелым последствиям в эвакуационной работе в западной приграничной зоне». Он призвал Центр не переоценивать временное сокращение беженской волны со стороны Украины в зимний период, за которой последует новый приток беженцев весной 1922 г. Однако по настоянию Центрэвака начальник Главэвакзапа согласился на свертывание деятельности таких пограничных с Украиной пунктов как Новозыбков, Калинковичи и Жлобин. На линии Витебск–Петроград Главэвакзап считал безболезненным ликвидировать только вспомогательный Невельской эвакуопункт, но категорически выступал за сохранение эвакуопункта в Великих Луках, являвшегося «узловым распределителем», через который проходили все контингенты в Себеж [4, л. 156].

На территории Западной полосы планом Центрэвака предусматривалось создание трех баз – в Витебске, Орше и Смоленске, что влекло за собой ликвидацию ряда эвакуационных пунктов и преобразование другой их части в линейные пункты. Подобная реорганизация эвакуационных органов на территории Беларуси вызвала несогласие со стороны Главэвакзапа, на котором лежала особая ответственность по организации и координации деятельности эвакуационных учреждений в приграничной полосе. В Главэвакзапе считали наиболее целесообразным создание эвакуационных баз в пунктах, связанных железнодорожным сообщением и имеющим «тяготение» к пограничным пропускным пунктам. Руководство областного эвакууправления настаивало на создании

эвакуационных баз в Орше, Витебске, Гомеле, Смоленске и Великих Луках. Л. И. Розенгауз выступил против присоединения к Оршанскому базисному пункту Гомельского губэвака, т. к. через Гомельский пункт проходили все контингенты из Украины, которые далее направлялись в Минск и Калинковичи. К тому же отдаленность Гомеля от Орши, плохая связь между ними в случае прикрепления Гомеля к Орше грозили парализовать работу очень важного Гомельского пункта. «Подчинение Оршанскому эвакуационному пункту Гомельского эвака крайне нежелательно по той причине, что наплыв в эти пункты контингентов, движущихся по разным направлениям, может поставить Базу в крайне затруднительное положение», – считали в Главэвакзапе [5, л. 12].

Л. И. Розенгауз выступил также против прикрепления к Витебскому базисному пункту эвакуационных учреждений, расположенных на другой транспортной линии Великие Луки – Новосокольники – Себеж. Поэтому Витебская база должна обслуживать движение беженцев с Полоцком. К тому же намечалось открытие пропускного пункта на границе с Польшей в Фариново, что вызовет приток мигрантов в Витебский район как со стороны Смоленска, так и со стороны Петрограда.

Движение гужевых беженцев, проходивших через эвакуационные пункты в Калинковичах, Бобруйске и Слуцке удобнее всего было регулировать из Гомеля, который имел прямую транспортную связь с ними. Главэвакзап разработал план ремонтных работ по подготовке баз к приему беженцев и других контингентов. Им намечалось обустройство барачных и других жилых помещений для Гомельской, Витебской и Оршанской баз вместимостью на 8 тыс. человек для каждой [6, л. 12].

6 декабря 1921 г. было созвано совещание представителей губэваков, на котором рассматривался вопрос о сокращении штатов эвакуационных учреждений. Отмечалось, что предварительное сокращение штатов уже проводится несколько месяцев. К декабрю число сотрудников во всех эваках Западной Области было доведено до 1692 человек. Сокращение составило 30 %. Совещание приняло решение довести к 1 января 1922 г. количество сотрудников эваков до 1330 человек, для которых необходимо было закрепить соответствующее количество продпайков. Планировалось удержаться в рамках этого сокращения только до апреля – мая 1922 года. Для расчета с уволенными 700 работниками Главэвакзапу потребовался кредит в сумме 350 млн рублей [7, л. 157].

Сложным оставалось медико-санитарное положение беженцев в Беларуси. С октября 1921 г. наблюдался рост эпидемических заболеваний среди прибывающих самотеком контингентов. Главными причинами роста заболеваемости беженцев являлись истощение людей от голода, а также длительное простаивание эшелонов в холодное время.

20 октября 1921 г. Л. Розенгауз сообщил в Центрэвак, что «самотечные беженцы, прибывающие из голодных мест, настолько истощены, что смертность среди заболевших небывало высока и часто достигает 25 %» [8, л. 14]. В управлении Главэвакзапа понимали, что «рост смертности был вызван истощением заболевших». Но они были бессильны как-то помочь людям из-за отсутствия продовольственных запасов и «фактически держали их на голодном пайке». Эваки не могли «ускорить отправку беженцев, потому что много эшелонов прибывало без документов, которые часто оставались в эваках отправления или в Московском эваке. К тому же проверка списков беженцев Особым отделом и визирование их Польской делегацией отнимали от 5 до 10 дней» [8, л. 14]. Л. И. Розенгауз обращал внимание Центрэвака также на саботаж в работе железнодорожных чиновников на местах, которые тормозили продвижение эшелонов с беженцами. Резко возросла заболеваемость и среди сотрудников эваков. В Минске, Борисове, Себеже она достигала 30–50 % личного состава [9, л. 157].

Важнейшим направлением в работе Главэвакзапа и его местных органов являлось обеспечение беженцев, переселенцев жилыми помещениями и бараками. К зиме 1921–1922 гг. жилищный вопрос резко обострился. При обследовании специалистами Главэвакзапа состояния барачных и жилых помещений выяснилось, что многие из них перешли в ведение местных эваков

от военного и других ведомств и в большинстве своем являлись постройками пригодными лишь для летнего размещения людей. Они долгое время не ремонтировались и начали разрушаться, и чтобы их приспособить для зимнего жилья необходимо было произвести капитальный ремонт установить и отремонтировать печи, утеплить помещения, установить зимние оконные рамы.

По распоряжению Главэвакуац. были начаты ремонтные работы помещений и барачных в Гомеле на 2 тыс. мест, Жлобине – на 1 тыс. мест, Витебске – на 4 тыс. мест, Борисове – на 3 тыс. мест, Полоцке и др. Однако выделенных им кредитов оказалось недостаточно и ремонт барачных был приостановлен. Вообще не приступили к ремонту барачных в Орше на 1 тыс. мест, Могилеве – на 1 тыс. мест, Минске – на 4 тыс. мест. Кроме ремонта барачных для беженцев необходимо также было произвести отопление лечебных учреждений эваку.: изоляторов в Гомеле, Жлобине, Новозыбкове и Орше.

Для проведения всего ремонта в учреждениях Главэвакуац. потребовался кредит в сумме 1 млрд рублей, из которых Минскому и Гомельскому эвакуам было запланировано по 200 млн руб., Витебскому – 100 млн руб., Могилевскому – 120 млн руб., Новоборисовскому – 50 млн руб., Полоцкому – 30 млн руб., Жлобинскому и Новозыбковскому – по 20 млн руб. Причем на срочные, неотложные работы Главэвакуац. запросил отпустить 300 млн руб. (30 %) от всей суммы. Для производства работ были привлечены строительные организации, которым было выдано 30 % наличными, т. к. с переходом к новой экономической политике отпуск материалов производился за наличный расчет [10, л. 9].

В январе 1922 г. в Орше при Главэвакуац. состоялось областное совещание начальников губэваку., на котором обсуждался главный вопрос о практических шагах по переходу в эвакуационной работе на базисную систему, вопросы обеспечения эвакуационных баз финансово-материальными ресурсами, сохранении специалистов, а также вопрос о медико-санитарных мерах снижения заболеваемости среди беженцев и местного населения [11, л. 132].

Из-за острого дефицита госбюджета Центрэвак пересмотрел свой первоначальный план организации базисных и линейных пунктов, численность которых была резко сокращена. Согласно инструкции о порядке ликвидации местных органов Центрэвака от 5 января 1922 г., базисные и линейные пункты не входили в состав отделов управления местных исполкомов и были подчинены непосредственно НКВД РСФСР по Центрэваку. Выполняя решения Центрэвака РСФСР, с февраля 1922 г. на территории Беларуси создавались базисные пункты в Орше, Минске и Гомеле. В ведении Оршанского базисного пункта входили линейные пункты в Орше, Витебске, Смоленске и Вязьме. Минский базисный пункт объединял линейные пункты в Минске и Борисове, откуда беженцы направлялись на пограничный пункт в Негорелое. В состав Гомельского базисного пункта входили линейные пункты в Гомеле и Бахмаче [12, с. 314]. Из прежних структур Центрэвака на территории Беларуси был оставлен Главэвакуац. как областной эвакуационный орган. Все остальные пункты ликвидировались, в т. ч. в Бобруйске, Могилеве, Жлобине. 31 марта приказом НКВД РСФСР по Центрэваку регистрационные функции ликвидированных эваку. передавались отделам управления исполкомов, на которые возлагались обязанности по регистрации контингентов Центрэвака и составлению на них эшелонных списков [13, л. 60].

Одной из проблем, с которой столкнулся Главэвакуац. и его местные органы, явился систематический отказ миграционных служб Литвы и Польши принимать на границе своих беженцев, от чего особенно страдали беженцы-евреи. Для оказания им помощи 23 марта 1922 г. в Орше Главэвакуац. в лице Главноуполномоченного Л. И. Розенгауза и его заместителя Эпштейна заключили договор с Центральным Еврейским Общественным комитетом по оказанию помощи пострадавшим от погромов (Евобщестком) в лице заместителя уполномоченного по Витебской, Смоленской и Гомельской губерниям Б. М. Заславского. В договоре обращалось внимание на то, что «в условиях участвовавших случаев возвращения с границы литовскими, латвийскими и польскими властями еврейских беженцев, которые по националистическим соображениям лишаются прав беженства», Главэвакуац., в ведении

которого находились эти контингенты, «взял на себя обязанность обслуживать их до устройства на прежних местах при содействии Евобщесткома или до вторичного пересмотра иностранными миссиями». Главэвакзап согласился передавать ликвидированные учреждения эвакуационных пунктов Евобщесткому в пригодном для использования состоянии и «оказывать широкое содействие в перевозке Евобщесткомом беженцев по железной дороге в Западной области». Со своей стороны, Евобщестком обязался «оказывать широкое содействие в оборудовании изоляторов Главэвакзапа медицинским инвентарем и обеспечить медикаментами и продовольствием 100 беженцев, проходящих лечение в изоляторах местных эвакуационных пунктов (по усмотрению Главэвакзапа)» [14, л. 51].

В связи с реэвакуацией основной массы беженцев, пленных и других контингентов населения уже летом 1922 г. Центрэвак приступил к частичному сокращению своих местных органов. В этот период Главэвакзап свое основное внимание уделял работе эвакуационных пунктов, расположенных на главной эвакуационной линии – Александровской железной дороге (Москва – Варшава).

В связи с сокращением осенью 1922 г. штатов Гомельского и Витебского эвакуационных пунктов Главэвакзап прилагал все усилия, чтобы сохранить Оршанскую базу, которая «оставалась единственным пунктом для обслуживания контингентов, следовавших в Литву и Латвию, а также Минский эвакуационный пункт, в ведении которого находился Козыревский лагерь, где скопилась огромная масса беженцев, стремящихся пробраться за границу» [15, л. 13]. В сентябре 1922 г. в докладе на имя Центрэвака Л. И. Розенгауз считал важным также сохранить Гомельскую базу, которая являлась единственным пунктом на эвакуационной линии, идущей со стороны Украины, а также не закрывать Бахмачский пункт [15, л. 13].

Осенью Главэвакзапом была создана комиссия по ликвидации эвакуационных пунктов в Витебске, Гомеле, Смоленске. В октябре все базисные пункты были преобразованы в линейные, а к концу года – прекратили свою деятельность. 2 января 1923 г. при Главэвакзапе состоялось совещание, на котором было принято решение о ликвидации эвакуационных пунктов в Орше, Борисове и Себеже. Созданная им комиссия представила в управление Главэвакзапа всю отчетность и другую документацию ликвидированных эвакуационных пунктов. Ликвидированный Оршанский эвакуационный пункт передавался Наркомзему, Себежский – ГПУ, Борисовский – Карантинному пункту [16, л. 338].

По сведениям Главэвакзапа, в 1922 г. через пограничный пункт Негорелое в Польшу было отправлено 175700 беженцев, 2343 военнопленных и др. Из Польши возвратилось на родину 3076 беженцев, 5097 амнистированных и 548 военнопленных. Через погранпункт Себез в Латвию было отправлено 10962 беженцев, в Литву – 11497 беженцев. Всего в Литву и Латвию через Себез прошло 39524 человек, а возвратилось домой 5061 человек [17, л.12].

Источники и литература

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 14 т. М.: Наука, 1965. – Т. 3. – 431 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 898.
3. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 430.
4. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
5. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 430.
6. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 430.
7. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
8. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 430.
9. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 447.
10. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 430.
11. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 97.

12. Щеров, А. П. Миграционная политика России в 1914–1922 гг. / А. П. Щеров. – Смоленск: изд. СГПУ, 2000. – 316 с.
13. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 772.
14. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1375. – Оп. 1. – Д. 18.
15. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 890.
16. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 780.
17. НАРБ – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 643.

УДК [94(476) + 327(438:47+57)(091)]”1921/1924”

В. М. Бароўская
ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”

ПРАБЛЕМА ВЫКАНАННЯ РЫЖСКАГА МІРНАГА ДАГАВОРА: ПРАЦА ЗМЕШАНЫХ РЭЭВАКУАЦЫЙНАЙ І РАЗЛІКОВАЙ КАМІСІЙ 1921–1924 ГАДОЎ

Згодна з артыкуламі XIV–XVII Рыжскага мірнага дагавора, заключанага 18 сакавіка 1921 г. паміж Польшчай з аднаго боку, Расіяй і Украінай, з другога, прадугледжвалася рээвакуацыя прамысловай і іншай маёмасці, культурных каштоўнасцей, выплата кампенсацыі фізічным і юрыдычным асобам і іншыя формы ўзаемаразлікаў. Для ажыццяўлення на практыцы гэтых умоў дагавора былі створаны змешаныя рээвакуацыйная і разліковая камісіі. Аднак іх праца была ўскладнена недахопам дакументальных доказаў у Польшчы і абмежаваных эканамічных рэсурсаў для неабходных выплат у савецкага боку.

Рыжскі мірны дагавор быў сродкам пацыфікацыі ўсходнееўрапейскага рэгіёна, фінальнай кропкай ваенных дзеянняў, якія спусташалі беларускія землі на працягу амаль васьмі гадоў. Дагавор залажыў асновы мірнага будаўніцтва і развіцця тэрыторыі Беларусі. Згодна з гэтым дыпламатычным дакументам адбылося афіцыйнае прызнанне ў якасці самастойных суб’ектаў міжнароднага права БССР і УССР, намеціліся шляхі вырашэння многіх спрэчных пытанняў.

Згодна з артыкулам XV Рыжскага мірнага дагавора савецкі бок (у тэксце Расія і Украіна) былі абавязаны па патрабаванні польскага ўрада, заснаванага на заявах уладальнікаў, рээвакуіраваць у Польшчу для перадачы па прыналежнасці маёмасць органаў самакіравання, гарадскіх устаноў, упраўленняў, асоб фізічных і юрыдычных, эвакуіраванае добраахвотна або прымусова з тэрыторыі Польскай Рэспублікі ў Расію і Украіну з 1 жніўня 1914 г., г. зн. з пачатку Першай сусветнай вайны, да 1 кастрычніка 1915 г. [1, с. 633–634] Прадугледжваўся зварот савецкім урадам прамысловага абсталявання і іншай маёмасці, эвакуіраванага з польскай тэрыторыі ў усходнія губерні Расіі. Савецкі ўрад абавязваўся таксама вярнуць Польшчы культурныя каштоўнасці польскага народа, захопленыя падчас падзелаў Рэчы Паспалітай 1772–1795 гг. Зварот прамысловага абсталявання і іншай маёмасці было самай важнай часткай працы, якая ажыццяўлялася змешанай расійска-ўкраінска-польскай рээвакуацыйнай камісіяй. Савецкую дэлегацыю ўзначальваў П. Л. Войкаў, на чале польскай стаяў А. Альшэўскі [2, с. 25–27].

Польскія прэтэнзіі на маёмасць, якая падлягала рээвакуацыі (артыкул XV Рыжскага дагавора), налічвалі 75 млн. даваенных рублёў. Згодна з савецкімі падлікамі, фактычная сума павінна была складаць прыкладна 30–35 млн. рублёў. Да канца 1923 г. было пагашана 106 прэтэнзій з 650 на суму 7 млн. рублёў. Астатнія прэтэнзіі ў большасці былі адкінуты, з чым польскі бок быў вымушаны пагадзіцца [3, с. 76].

Як паказала праца змешанай камісіі, існавала складанасць дакладнага ўліку эвакуіраванай маёмасці, значная колькасць якой згінула падчас эвакуацыі. Так як эвакуацыя маёмасці праводзілася ва ўмовах вайны, абсталяванне прадпрыемстваў і іншая маёмасць